

Власов В. Ф.

Пагода журавлиного клёкота

В поисках 4-го измерения

16+

Владимир Власов

Пагода журавлиного клёкота

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Пагода журавлиного клёкота / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

«Пагода журавлиного клёкота» – это некая сфера, где становится понятен птичий язык - клёкот, язык самых совершенных по своему строению птиц, так похожих на людей, посещающих Небо и знающих небесные тайны. То, что они говорят, непонятно людям до тех пор, пока они не проникнут в их язык и не поймут сути их небесной тайны. Ведь недаром даосы сделали журавлей символом своих устремлений в обретении бессмертия. Люди, понимающие их клёкот, превращаются в бессмертных или журавлей, как это случилось с героями этого философского романа, раскрывающего тайные знания даосизма.

© Власов В. Ф., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Обращение к читателю	5
Эпиграф	7
Глава первая	8
1. День железа	8
2. День земли	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Обращение к читателю

Мне кажется, что этот роман получился несколько необычным и, в каком-то смысле, стоит за границами нашего времени и современных понятий. В нём практически нет действия, а происходит некое осмысление человеческой жизни.

Этот роман можно назвать окном из нашего мира в Пустоту, или же окном из Пустоты в наш мир. Но, в общем-то, при ближайшем рассмотрении, как я считаю, выходит, что мы сами со всем нашим миром являемся этой самой Пустой, и можем называть ещё её «Ничем». Ведь всё, что нас окружает, является Ничем, во всяком случае, по отношению ко времени и пространству, и сами мы состоим тоже из Ничего, или иными словами, из Пустоты. Ведь если задуматься, то можно прийти к банальным вопросам: кто мы есть, на самом деле, и что мы собой представляем в этом мире, да и не только в этом мире? Почему у нас происходят несчастия, и можем ли мы предотвратить то, что случается в нашей жизни? Или это и есть наша судьба?

Об этом мало кто мыслит в наш «судорожный» век, который нас, как по наклонной, тащит в какую-то неопределённость. Никто не может предсказать сейчас, что станет с нами и с нашим миром в ближайшем будущем. Со временем мы утратили в себе нечто такое, что наполняло нашу жизнь смыслом и давало нам некий внутренний комфорт, и никак не можем вернуть это, восполнить то, чем одарила нас природа. Мы пытаемся что-то делать, но все наши попытки бесполезны, потому что мы совсем забыли, для чего мы родились на земле, и что нам предстоит сделать. Нет, конечно, кое-что мы всё-таки делаем, благоустроявая свою жизнь. Но потом всё это вдруг в одно мгновение рушится, и мы удивляемся, почему всё так случилось. Многие разочарованные люди, говорят о конце света и об общей гибели. Но если человек заглянет в себя поглубже, то он поймёт, что он – бессмертен, и ни о какой гибели не может идти речи. Но вот только человеку просто не хватает времени заглянуть в себя. Он постоянно остаётся со своими иллюзиями и живёт только внешним миром, держится за него и готов с этим миром даже броситься в бездну, обрекая себя на гибель.

Поэтому этот роман я писал для тех немногих людей, кто найдёт время заглянуть в себя и увидеть, что в мире не так уж всё и плохо, и ничто ещё не потеряно. Но главное, может быть, заглянув в себя, он обретёт своё истинное «я».

И ещё должен заметить, что этот роман я писал тогда, когда с головой погрузился в изучение даосизма. В какой-то степени его можно считать дневником моих духовных исследований. Думаю, что не многим будут интересны те истины, которые я вывел сам для себя, почерпнув их в моих эзотерических погружениях из того материала, который я выуживал из древних свитков и современной исследовательской литературы. Так что, прежде чем начать читать этот роман, советую читателю хорошенько подумать, стоит ли ему углубляться в эти знания, через которые я прошёл и обрёл некое странное видение нашего мира.

Я долго думал, как назвать это произведение, и в конце концов дал ему это название, которое для людей Востока имеет сокровенный смысл, потому что «Пагода журавлиного клёкота» – это не простое место, а некая сфера, где становится понятен птичий язык. Птичий язык вообще многозначен, и внешне, на первый взгляд, похож на ряды или цепочки иероглифов, не поддающихся прочтению. И ещё его можно сравнить с нотной грамотой, таящей в себе некий скрытый смысл и некую мелодию, где каждый звук имеет своё значение, которое невозможно выразить словами. К тому же, клёкот – это язык не простых птиц, а журавлей, птиц, самых совершенных по своему строению и похожих на людей, птиц, посещающих Небо и знающих небесные тайны. То, что они говорят, не понятно людям до тех пор, пока они не проникнут в их язык и не поймут сути их небесной тайны. Ведь не даром даосы сделали журавлей символом

своих устремлений в обретении бессмертия. Я надеюсь, что найдутся такие, которые поймут их клёкот и сами станут журавлями.

Эпиграф

Им реять парой в поднебесье вечно
Любовью наслаждаясь в чистой сини,
Где дни проходят их в тиши беспечно,
Зимой их греет даже снег и иней,
А летом им жара несёт прохладу.
Они живут, опасности минуя,
Везде находят для души усладу
И радость, ни минуты не тоскуя.
Они – даосы, речь их – смех и хохот,
А ветер и пространства – их стихия,
И люди, слыша журавлиный клёкот,
Глядят, гадая: «Кто они такие»?

Глава первая

1. День железа

В тот день всё сложилось для меня самым неожиданным образом. С утра, перед тем, как отправиться в университет, я закончил чтение двуязычной буддийской Библии, читая её одновременно на английском и японском языках «The tiching of Budda» и её аналог «ваэйтэйсё» – «Буккё сэйдэн», и очень разочаровался. Я надеялся найти в ней некое откровение, которое бы перевернуло моё мировоззрение, но ничего существенного не нашёл. Всё было предельно ясным и простым и только отдаляло меня от тех тайн мироздания, в которые я мечтал проникнуть. В буддизме я не открыл никаких тайн.

Такое чувство разочарования уже посещало меня ранее после чтения Корана, христианской Библии, и вот оно посетило меня в третий раз в моей жизни. Это произошло, когда я дочитал святое писание Будды до последней строчки, на которое возлагал большие надежды. Осталась ещё одна книга на моём письменном столе. Это было сочинение Чжана Бодуаня «У чжэн пянь» – «Главы о прозрении Истины» с комментариями даосского монаха Вэя, которые мне осталось осилить на китайском языке.

По правде говоря, я уже начал разочаровываться и в жизни, и в философии, теряя всякую надежду что-либо понять в этом мире и раскрыть Великую Тайну, в которую была упрятана сама моя жизнь. Когда-то один мой любимый писатель поведал мне в своей книге, что человек постоянно «страдает от мучительного желания с помощью духа остановить чарующий поток бессмысленной жизни и придать ему смысл». Поэтому человек, по его мнению, всегда следует за своей мечтой, своим предчувствием и искушением, мечтой, которая всегда выглядит «золотым мерцанием священной тайны», маячившей перед ним. Он так и написал – «Золотое мерцание священной Тайны». И это мерцание было глубоко запрятано в моём сердце ещё с детства, и оно до сих пор проявляет себя, как бы постоянно подталкивая меня к познанию и пониманию мира, который остаётся для меня всё той же загадкой, в которую я уже отчаялся проникнуть. Может быть, и нет никакой тайны в этом мире, а просто есть внушение, что якобы такая тайна существует. Но если это так, то тогда зачем вообще рождаться в этом мире, где нет ни тайн, ни смысла жизни? Мне даже думать об этом не хочется. Но я всё же считаю, что тайна есть, и есть это самое «Золотое мерцание священной Тайны». Ведь как красиво и осмысленно сформулирована эта фраза! Если есть тайна, то сразу же появляется смысл во всём, в том числе и в жизни – в проникновении в эту тайну, как и предвещал этот писатель, говоря, что в мире есть цель нашей жизни, которая должна быть нашей путеводной звездой, нашей судьбой.

Лиза уже лежит в постели и спит. Может быть, она и есть эта тайна. Сегодня она пришла домой поздно, и, не говоря ни слова, разделась и легла в постель. Я не стал с ней разговаривать, не стал ни о чём спрашивать. До этого мы с ней поссорились. Я сделал вид, что углублён в чтение. И в самом деле, до неё я пытался дочитать этот даосский трактат до конца. Сегодня днём я уже видел её. Она шла с каким-то незнакомым мне человеком, чуть ли не под руку, оба смеялись. Над кем? Может быть, надо мной?

Я посмотрел в её сторону. Она лежала в тени на боку в углу комнаты, отвернувшись лицом к стене, и отблеск от настольной лампы рельефно выделял её стройную фигуру под простыней на фоне тёмной шторы занавешенного окна. О, Боже! Как она чудесно слажена и как симпатична! Даже сейчас её фигура напоминала мне скрипку или виолончель, одним словом, какой-то изящный музыкальный инструмент с божественным звуком – её голосом. Правда, когда она сегодня вернулась домой, то не произнесла ни единого слова, и я не слышал от неё этих божественных звуков её речи.

Мы живём с ней вместе уже семь лет. К тому же она младше меня на семь лет. Разница в возрасте вроде бы небольшая, но она всегда оставалась для меня ребёнком, маленькой девочкой. Когда мы познакомились, ей было всего семнадцать. Я даже тогда подумать не мог, что она станет моей женой. Целый год я за ней нежно ухаживал и даже не допускал мысли овладеть ею. Когда мы поженились, она как-то даже сказала мне: «Мы целый год гуляли вместе, и ты даже не пытался взять меня за руку. А я всё думала, что же ему от меня надо»? Она была моей студенткой, а я читал курс лекций по философии в университете и консультировал её. Однажды я привёл её в мою однокомнатную квартиру, и с того времени она осталась жить у меня. Эти семь лет, а с началом знакомства с ней – почти восемь, были самыми лучшими годами в моей жизни. Я жил как в сказке, купался в своём счастье, и не видел ничего вокруг себя, кроме неё и её красоты. Я ею любовался, и до сих пор, можно сказать, люблю её и ношу её на руках. Но последнее время, что-то изменилось в наших отношениях. Три года назад она окончила университет и сейчас преподаёт естествознание в школе. За семь лет нашей совместной жизни у нас ничего не изменилось, может быть, её не устраивает такая жизнь? Правда, у нас несколько тесновато, и хотелось бы переехать в новую более просторную квартиру, но денег пока для этого не хватает. К тому же, она уже хотела бы завести ребёнка, но как-то у нас это не получается. Вначале она училась, и мы предохранялись, чтобы она успела закончить университет без академического отпуска, потом она стала преподавать в школе и опять у нас не оставалось времени для ребёнка. И вот, когда мы, наконец, решились, у нас это не получилось. Все претензии были предъявлены мне, она так и сказала: «Я вполне здоровая женщина, и знаю свой организм. Стоит мне только постоять рядом с мужчиной, я тут же могу забеременеть от одного его взгляда, если ты не веришь, мы можем это проверить. Всё дело – в тебе, и тебе бы следовало обследоваться у врача и узнать, способна ли я иметь от тебе детей». Но, конечно же, я верил ей, такой симпатичной и притягательной девушке, которая до сих пор ещё не походила на женщину и выглядела подростком. Я замечал, что многие мужчины всё ещё пожирают её взглядом, и не прочь были бы с ней переспать. И уж совсем не входило в мои планы, проверять эту гипотезу беременности от одного взгляда. Я даже в страшном сне не мог допустить мысли, что у неё может появиться другой мужчина – любовник.

Я очень люблю её, и просто не мыслю без неё своей жизни. И вот сегодня я увидел её с другим мужчиной. Может быть, ей надоело ждать от меня ребёнка, и она решила позаботиться о его появлении на свет таким способом? Я ещё раз мысленно вспомнил все подробности моего почти столкновения с ними, и у меня опять защемило сердце.

После обеда оставалось два часа времени до консультации студентов перед экзаменами, и я решил прогуляться по городу. Выйдя на перекрёсток, там, где начиналась пешеходная улица, я сразу же их заметил. Мою жену всегда видно издалека. Она очень яркая. И не только мужчины, но и женщины часто обращают на неё внимание. Они шли по пешеходной улице к перекрёстку. Инстинктивно я спрятался за тумбу объявлений и стал следить за ними. Они весело переговаривались, но из-за шума проезжающих машин я не слышал их голосов. Перейдя улицу на светофоре, они прошли ещё некоторое время мимо витрин магазинов, а затем вошли в небольшую гостиницу. У меня от боли сжалось сердце. Мне хотелось войти туда, но я подумал о том, что я скажу ей? Если это адюльтер, то он может стать концом наших отношений, а терять её я не хотел ни при каких обстоятельствах. Я очень люблю её, и если даже я допускаю мысль, что она переспала с тем мужиком в отеле, то что я могу поделать? Мне нужно всеми силами удержать её возле себя, что бы мне это не стоило.

Мужчина был года на три меня моложе, и ростом выше. Но что это было за свидание: случайная встреча или влюблённость, а может быть, её временное безумие? С ней иногда такое случалось, когда она вдруг ни с того ни с чего совершала странные поступки

Я посмотрел на неё, тихо спящую. Ничто в ней не говорило о том, что она ещё недавно лежала с каким-то мужиком в постели в номере гостиницы. Да и могут ли оставаться следы

чужого мужчины на женщине. Как там говорится в Библии по поводу того, что невозможно увидеть след летящей птицы в небе, лодки, плывущей по воде, и мужчины после любовного проникновения в женщину. Лиза была чистой. Даже мысль, что она когда-нибудь могла бы стать проституткой, не укладывалась в моей голове. К такой, как она, грязь не прилипает.

Весь день я провёл в мучительном страдании, но так ничего и не смог придумать. У меня было большое желание дождаться, когда они выйдут из гостиницы, и устроить им скандал, но я себя пересилил, и ушёл побитым, весь день слонялся по городу и даже не пошёл на консультацию. Я просто о ней забыл, да и что мне могло прийти в голову после такого потрясения. Когда я пришёл домой, её не было. Я сел за письменный стол, и так просидел весь вечер, глядя перед собой. Когда стало совсем темно, я включил настольную лампу. А когда она пришла, сделал вид, что читаю книгу.

Я опять заглянул в эту книгу, и ничего не понял. «Главы о прозрении Истины» оказались для меня дремучим лесом. Я ни только не мог вникнуть в то, о чём идёт речь, но и многие сочетания иероглифов были мне совсем не знакомы.

Я всегда ценил наследие предком, то есть, те знание, которые передавались из поколения в поколение, и которые содержали в себе неоспоримую мудрость. Но вот незадача, эти знания не всегда проникают в наше сознание в своём очищенном виде, для этого нужно созреть, а именно вступить в ту пору, или тот возраст, когда эти знания нам открываются сами собой и становятся понятными.

Я попытался взять себя в руки и сосредоточиться, чтобы вникнуть в содержание этого философского трактата. Мне сложно было понять те мысли, которыми они жили.

Да, древние китайцы, мудрость которых я всегда выделял среди других народов из-за их необычной, можно сказать, неземной цивилизации, уходила так далеко в глубокую древность, что европейская наука отказывалась верить в китайскую версию историографии. Древние китайцы верили в бога Ао и считали, что бог знаний и мудрости, этот самый дух Ао, прибыл к ним из созвездия Хуагай. Китайцы представляли его существом в человеческом облике с копьём в руках, восседавшим на морском чудовище. О нём также описывалось в некоторых сочинениях народного буддизма в так называемых «драгоценных свитках» – баоцзюанях.

По своему опыту я считал, что во всех древних легендах звучат отголоски истинных событий, происходивших в истории. Конечно же, можно допустить некоторые искажения, но всё же неправдивых легенд не бывает, потому что все легенды – это цепочки памяти и свидетельства той действительности, которая когда-то держала наших праотцов в своих объятиях. Как говорят, дыма без огня не бывает. Все мы состоим из тех воспоминаний, которые пережили наши предки в прошлом. Может быть этот бог Ао и явился первым богом на земле, подчинивший себе рассудок землян.

Обычно, как говорили древние, бог Ао приходит к человеку во снах, как бы в пучине вод бессознательного космоса и внушает ему знания и идеи, о которых он раньше не думал. Они сравнивали этого бога с большой черепахой, живущей тысячи лет, принимая его за бога мудрости, знаний и письменности. Эта черепаха с помощью своих рисунков на панцире научила людей письменности – иероглифам и гектограммам. Ей даже вменялось в обязанность ответственная роль хранения знаний. Так, например, китайцы, склонные к систематизации всего сущего в мире, считали, что в китайской мифологии черепаха Ао несёт по морю три священные горы: Инчжоу, Пэнлай и Фанчжан, – на которых живут бессмертные.

Именно поэтому я с большой надеждой изучаю древние книги, вычерпывая из них знания, которые в них ещё сохранились как в золотоносной руде частички драгоценного металла. К такому роду литературы, вероятно, и принадлежало сочинение даосского мыслителя, лежащее на моём столе.

Впрочем, эта книга была очень старая и больше походила на древнекитайский свиток, чем на книгу, в нашем понимании этого слова. Она складывалась как гармошка, и в некоторых

местах страницы пришли почти в негодность, текст было трудно различать. Ни даты её оттиска, ни названия типографии или издательства не было на её титульном листе. После самого текста шёл комментарий монаха Вэя, который объяснял, как нужно подходить к пониманию этого текста. Язык его изложения был достаточно понятным. Я прочитал несколько страниц и незаметно для себя углубился в чтение, да так, что вдруг весь окружающий меня мир преобразился. В первых строчка монах очень просто излагал мысль о том, что при чтении книги нужно обязательно погрузится в медитацию, что я, вероятно, и сделал в своей задумчивости. И неожиданно для меня мир вдруг изменил свои очертания.

Я увидел, что нахожусь под огромным деревом, по виду листьев напоминающим рябину. Вокруг меня была лесная чаща, над вершиной которой проступали горы, внизу за скальными террасами открывалась долина. Я как будто попал в неведомую мне страну. Не знаю, может быть во время медитации я заснул, а может быть, нашёл каким-то образом вход в сказочную страну, одну из тех, о которых древние китайцы оставили свои свидетельства.

Я огляделся еще раз и понял, что нахожусь как бы в каменном мешке где-то в горах. С трёх сторон меня обступали высокие скалы, создавая дно поляны этого мешка, сквозь зелёные кроны деревьев проступало синими пятнами небо. Было очень тепло, но не жарко, лёгкий ветерок обдувал тело и трепетал в листьях деревьев, раскачивая их ветви. На поляне было ещё несколько высоких деревьев, породу которых я не мог определить. В самой северной части поляны между камней скалы росла извивающаяся сосна. Юго-восточная часть мешка была открытой, но за густыми зарослями понижающего на уступах леса ничего не было видно. Всё скрывалось в облаках или в тумане. Это была, как будто, небесная страна – место даосских отшельников. Недалеко по западному склону скалы стекал горный ручей, и на выбоине от падения образовывал мини-озерцо с чистой прохладной водой.

Так как было очень тепло, я искупался.

Когда я погрузился в воду, в моё тело словно вонзилось тысячи иголок, до того вода была холодной и чистой. Горный ручей походил на серебряный поток, а небольшое озерцо – на блестящее блюдо из серебра, окаймлённое золотым песком. Холодная вода проняла меня до костей. Я выскочил из озера и тут же увидел монаха, направляющегося ко мне. Я быстро оделся и, поклонившись ему, спросил:

– Имею честь видеть почтеннейшего монаха Вэя?

– Совершенно верно, – улынувшись, ответил он мне, – вы сообразительны, впрочем, сюда могут попасть только те люди, в душах которых я нашёл отклик на мои комментарии.

– Но это удивительно! – воскликнул я. – Ни разу в жизни мне ещё не удавалось через чей-то труд познакомиться лично с его автором.

– Здесь всё дело в умении очаровать читателя, – скромно ответил монах, – я же пользуюсь своей собственной системой вхождения в сознание читателя на основе мистических знаний Дао. Ведь если автор хочет донести до желающего знать Истину что-то существенное, а не напустить туману и завести его в какие-нибудь дебри, то нужно очень просто изложить ему эту истину. Умный человек её поймёт, а глупому человеку её совсем не нужно знать, потому что он не сможет ею распорядиться. Ведь это так?

Я кивнул головой вместо ответа.

– Поэтому, – продолжал монах, – человек, следующий за «золотым мерцанием священной тайны», рано или поздно проникнет в эту тайну, самостоятельно.

Он сказал о «золотом мерцании священной тайны». Я ушам своим не верил. Значит, подумал я, он и в самом деле может проникать в мысли человека.

– Но если он найдёт своего поводыря, – продолжал тем временем монах, – то он сделает это намного быстрее, сумеет прозреть и уже без посторонней помощи продолжить свой путь в вечности.

– Вы говорите о бессмертии? – спросил я его.

– В том числе и о ней, – ответил он, – но бессмертие – это не самоцель, ведь Истина намного ценнее бессмертия, потому что она, и только она, открывает тайну. Она объясняет многое и саму жизнь в том числе. Зачем человеку бессмертие, если он будет отделён от Истины? Истина похожа на этот серебряный источник и на это серебряное озеро, лежащее среди золотого песка. Это очень хорошо, что вы искупались в этой чистой воде и смыли с себя всю пыль брэнного мира. Если бы вы не искупались, то вряд ли я бы к вам подошёл. Вы бы меня просто не увидели.

– А что это за место? – спросил я его.

– Я могу сказать вам его название, – ответил он, – но что значат слова, имена и названия? Всё это – иллюзия. Никакое пространство не носит никаких названий, потому что в этом мире всё текуче. Пространство – это пустота, оно существует только в нашем сознании. Вот, например, когда вы спите, в какое пространство вы попадаете?

Я покачал головой, не находя слов, чтобы ему ответить.

– Вот видите, – сказал он, – с пространством всегда бывает затруднительно, мы никогда не знаем, где мы находимся, потому что сама наша жизнь похожа на сон. А может быть, сон и есть наше настоящее просыпание?!

Я опять не знал, что ему ответить.

Видя моё смущение, монах спросил:

– Вы не хотите осмотреться в этом месте? Если уж вы прибыли сюда, то вам, наверное, стоит изучить эту местность, чтобы не плутать. Здесь вы уже искупались в серебряном источнике, и каждый человек, который погружается в его воды, должен сочинить стихи. У нас такое правило.

Я с удивлением вытаращил глаза.

– Но я никогда в жизни не писал стихов, – признался я.

– Это не важно, – ответил он, – постарайтесь что-либо сочинить.

Я напряг всю силу воли, и слова сами стали складываться в четверостишия:

Я иду дорогой в неизвестность,
И не ведаю, что ждёт меня в пути,
Что мне даст открывшаяся местность?
Сможет ли душа покой там обрести?
Я себя пылинкой ощущаю,
Сном иль явью, жизнь волнуется во мне,
Мир хочу от края и до края
Весь обнять и уместить в себе.
Где б я ни был, мир весь одинаков,
Всё мне ясно, кроме разве что небес,
И душа в нас ищет тайных знаков,
Что приводят к проявлению чудес.
Был ли кто здесь до меня – не знаю,
Может быть, я пузырёк лишь на воде,
Или мотылёк в движенье к раю,
Что знал всё, был всюду, но не жил нигде.

– Странные стихи, – сказал монах, – но они, видимо, в какой-то степени отражают вашу сущность и настроение вашей души.

– Не знаю, – сказал я смущённо, – эти стихи как-то родились в моей голове сами собой.

– Это очень важно, – сказал монах, – когда что-то рождается само собой.

– У вас странное имя, – заметил я, – иероглиф Вэй переводится как «для», а дальше следует полное имя Лаоцзы – как «старый ребёнок», а всё вместе получается, как «для ребёнка-старика». В этом кроется какая-то антиномия, к тому же в анналах истории я ни разу и нигде не встречал вашего имени.

– Но имя Лаоцзы вы, наверное, встречали?

– Разумеется, – ответил я, – кто не знает основоположника даосизма? Но меня всегда забавляло его имя, может быть, все мы одновременно являемся детьми и стариками, в нас самой природой заложены эти два начала. Знаете стихок: «Будьте как дети, нам библия твердит, а я душой ребёнок, хотя и стар на вид».

– Не плохие стихи, – похвалил монах.

– Это не мои стихи, а Курта Воннегута, – заметил я, – они очень хорошо передают суть нашего стремления оставаться в жизни самим собой.

Вы вышли из каменного мешка на скальную террасу, по краю которой росло длинное насаждение бамбука, в одном месте прерванное красивой пальмой. На всём протяжении этой террасы скала стеной поднималась вверх и уходила высоко в небеса. На этой стене были видны отверстия, напоминающие норы, в них, как объяснил мне монах, располагались кельи бессмертных, а на самом верху, почти касаясь крышей неба, стояло ажурное и почти воздушное сооружение, названное даосами Пагодой журавлиного клёкота.

– Сюда слетаются даосы со всего мира, – сказал монах, – а это – место для их медитации.

И он указал на небольшую возвышенную площадку напротив пальмы, где, в разрыве между зарослями бамбукового насаждения разворачивалась панорама долины.

Мы оба устроились на площадке для медитаций напротив пальмы.

– Что это за страна? – спросил я монаха.

– Это – страна даосов, – ответил он, – вернее, это – прихожая страны даосов, сюда попадают те, кто ищет Дао-путь и никак не может его найти, потому что очень часто бывает, что истинный путь у них превращается в ложный. И тогда из этой прихожей человек может вернуться в свою прежнюю жизнь, и только те, кто взбирается по скале до вершины горы и посещают ту пагоду наверху, могут продолжить свой путь в небеса, научившись летать. А для того, чтобы придерживаться этого истинного пути, необходимо всегда держать себя в форме, иными словами, используя свои таланты и мудрость, стремиться к самосовершенствованию. Движение сохраняет путь и жизнь. Как только человек начинает лениться и успокаивается, он тут же встаёт на ложный путь, его время исчезает, ибо время и есть движение, а остановка равнозначна смерти. Как говорят даосы: «Столетие, проведённое в праздности, подобно искре, высеченной из камня, а тело в продолжении одной жизни, подобно пузырю плывущему по воде. Самым главным двигателем человека в жизни, к сожалению, являются жадность и стремление к выгоде и счастью. Этот рычаг заставляет человека искать славы. Не сознавая того, что телесный облик зачахнет и сгинет во тьме, все стремятся накопить кучи добра, но приобретают лишь непостоянное. Им не понятно слово «отсутствие», а в нём таится весь смысл человеческой жизни нашего существования. Хотя мы можем дожить и до ста лет, но никто не знает о часе нашей кончины. Долголетие – это ведь дар Неба. Вчера ты ещё ходил по земле, а сегодня ты уже лежишь, упокоенный в ней. Оставлены жена, богатства и весь этот мир, а если ты ещё и совершал дурные поступки, то и память о тебе будет соответствующая, хотя тебе будет уже всё равно, что думают о тебе другие. Но ведь в мире можно и продлиться, сохранить себя, обрести долголетие, а затем и бессмертие. Эту страну можно считать страной грёз, но это также самая настоящая страна, где всё имеет своё место и предназначение.

Монах Вэй долго говорил мне об этой стране, но я слушал его невнимательно. Мои мысли переключились на Лизу. Я одновременно думал о ней и о том, что он говорит. Я знал, что в мире ни один человек не похож на другого, и каждый живёт только своим умом. Конечно, какие-то идеи могут влиять на человека, но всё равно, даже эти чужие идеи каждый человек

воспринимает по-своему, и пропуская их через себя, выводит свою собственную истину. Я всегда удивлялся тому, что Лиза ещё в её студенческие годы, слушая меня и мои лекции, часто делала совсем не такие выводы, к каким я подводил своих слушателей. Я знал, что есть люди, живущие духовной жизнью и обладающие тягой к возвышенному. Все они отличались от практических людей, которые, даже проникая в сферы духовной жизни, старались в них выудить утилитарный смысл, чтобы затем применять его в своей жизни. Возможно, к таким людям Лиза и относилась. Нет, хаос жизни её не мог запачкать, в ней всегда было это особое свойство самоочищения, приводящее её к независимости суждения и совершению поступков, которые подчинялись её собственной логике. На неё было очень трудно повлиять. Мы с ней были разными людьми. Это, в общем-то, вполне обычно и объяснимо, потому что она была женщиной, а я – мужчиной, но я часто приходил к мысли, что, всё же, мы с ней настолько разные, что могли бы принадлежать в природе к абсолютно разным видам животных: я, например, мог быть бы собакой, а она – кошкой. Такое разделение, думаю, можно распространить на всё человечество. И мужчины, и женщины имеют в себе нечто божественное, но это божественное живёт в них по-разному. В одних оно прорывается творческим светом и поражает всех своей креативной силой, в других же наблюдается блуждание в потёмках, и только в редких случаях происходит их соприкосновение с божественным, в следствие чего рождается озарение их душ. Но в нашем случае, всё, что делала Лиза, было прекрасным и ясным, а всё, что делал я, казалось мне мутным и непонятным даже для меня самого. Мы с ней пили воду из разных источников. Позднее, я заметил, что её совсем не интересовала философия. Она жила всегда своим умом, и поступала так, как считала нужным. Я, вообще, был удивлён, что она свою жизнь связала со мной, философом. До сих пор я никак не мог найти точек соприкосновения с ней, поэтому, вероятно, каждый из нас жил своей жизнью. И не удивительно, что она могла завести любовника. Как мне не хотелось, чтобы у неё был где-то на стороне друг, с которым она делилась бы своими мыслями, и уж тем более отдавала ему своё тело. Я понимаю, что ревность – это самая ужасная и отвратительная черта человека, когда он относится к любящему существу как к своей собственности. Ведь мужчина, думает, что он обладает женщиной, если овладевает её телом. Но у каждого человека есть своё святилище души, куда обычно закрыт вход посторонним. Можно, конечно, узнать, что там твориться, но понять, что там происходит, чаще всего, невозможно.

Я подумал, что после того, как Лиза изменила мне, моя любовь к ней несколько не стала меньше, а наоборот, я начинал её любить до безумия, и почувствовал, что всеми силами хочу вернуть её себе, потому что расставаться с таким цветком в своей жизни равносильно тому, как потерять саму жизнь. Зачем мне нужно бессмертие, если я буду несчастным? Моя память вырывала картинки из прошлого, когда я был наиболее счастлив с ней, это – когда я лишился её девственности. Тогда я уложил её в свою постель девушкой, из которой она встала моей женщиной. Её красота, её удивительно грациозное тело принадлежали мне, её плавные движения, её улыбка, наполняли меня таким счастьем, что порой мне казалось, что я взорвусь изнутри от избытка переполнявших меня чувств. Да, она походила на цветок, на самый красивый цветок в мире. И этот цветок наполнял мою жизнь смыслом, заполняя моё время определённым порядком семейных отношений, в которых я был неописуемо счастлив. Но соответствовал ли я этим отношениям, и отвечал ли я её требованиям? Может быть, мне нужно было обратить внимание не на её измену, а на моё отношение к ней? В разговоре с ней я всегда чувствовал своё превосходство над ней, противопоставляя её чувственному восприятию мира свою самодисциплину и упорядоченность мысли. Возможно, я этим подавлял её, даже не замечая этого. Я вёл себя как железный топор, подрубая корни живому дереву. Я старался не видеть той тени, мелькнувшей в её глазах, когда высказывал свои идеи, идущие вразрез с её убеждениями или мыслями. Мне казалось, что так я как бы сохраняю своё доминирующее положение в семье, что я направляю её в жизни и продолжаю чему-то учить, как это делает преподаватель в обучении студента. Но она уже давно перестала быть моей студенткой, и всё, что она могла взять от меня, как препода-

давателя, она уже взяла. После её окончания университета, я заметил, как у неё резко пропал интерес к философии. Когда однажды я стал углубляться в какую-то философею, она меня неожиданно перебила и сказала, что ей это не интересно. Помню, что тогда я очень удивился. Я спросил её, почему ей это не интересно, и она призналась мне, что за пять лет обучения философия ей так надоела, что она не желает больше о ней слушать. "Но ты вышла замуж за философа", – возмутился я. Она рассмеялась и ответила, что, да, она вышла замуж за философа, но не за философию. Я тогда тоже рассеялся и не придавал этому особого значения, но, вероятно, это было знаком предупреждения, чтобы я как-то поменял к ней своё отношение, и переходил из умозрительной сферы в сферу чувств, где она была как рыбка в своей воде.

В это мгновение ход моих мыслей нарушил голос монаха Вэя, как бы прорвавшийся в мою внутреннюю реальность, который вернул меня на террасу медитации близ Пагоды журавлиного клёкота. Монах говорил мне:

– Если в вас появилась способность переноситься на большие расстояния и проникать сюда, это значит, что вы на один шаг приблизились к Истине. Люди овладевают этой способностью по разным причинам. Одни попадают сюда от отчаяния, разочаровавшись в своей жизни, другие – от скуки, а третьи – от острого желания понять жизнь и разобраться в тайнах этого мира.

– В моём случае, – сказал я, – вероятно, все эти причины слились вместе.

– Вот и прекрасно, – сказал монах, – я рад, что жизнь ваша – не бездумное времяпровождение, которое отвлекает вас от поисков Дао и неминуемо ведёт к смерти. Ведь наша жизнь – это хрупкая драгоценность, которая может разрушиться в любую минуту, как лопается пузырь на воде. Поэтому жизнь нужно питать и укреплять её продление. В течение жизни во всё можно проникнуть своим умом и всё уладить. Но для этого необходимо обрести состояние, ведущее к бессмертию, и в это состояние в данный момент вы вошли. Это состояние я бы назвал «отсутствием» – «у». По своей сути, оно – пустота, и звучит как дующий ветер. В нём ничего нет, но, вместе с тем, в нём есть всё. Слышите, как оно звучит?

И монах, округлив губы, протяжно произнёс:

– У-у-у. Это – пустота, но не бытие или смерть, это – отзвук движения, когда мы стремительно летим куда-то в пространстве, и в наших ушах звучит этот звук, как от движения ветра. В нём ощущается статус наличного бытия вещей, но это не мгновенное тленное бытие, появляющееся и тут же исчезающее, как в нашей жизни, а так называемое сверхбытие всего самодовлеющего в себе. Оно является отсутствием и вместе с тем источником бытия и жизни. Это – первооснова и своего рода источник телесной жизненности. И для того, чтобы вернуться в это «отсутствие», необходимо понять, что это – основа и изначальная точка обретения бессмертия. Потому что, когда вы вводите себя в это состояние, то ощущаете небытие, ничто, некий покой и мрак, которые стирают все границы того якобы реального мира, за который вы долгое время держались, и который держал вас смертельно хваткой, играя вами, как кот с мышкой. Этот мир творил из вас некое подобие человека, я говорю, именно «подобие», потому что приобретённые качества и свойства вы унаследовали из этого мира, и для того чтобы освободиться от них, стереть их, вас следует омыть себя этим небытием, только тогда вы сможете сотворить себя в новом бытии и переродиться через свою просветлённость, искупавшись в новом свете. Вот вы искупались в нашем озере и тут же сочинили стихи, отражающие ваше состояние души. Ваш мозг, но мы это называем сердцем, окунулся в некую чистую сферу, смыв с себя остатки того бренного мира, откуда вы прибыли. Мир этот ещё призывает вас к себе, но, чтобы стать сильным и вернуться в него, вы должны переродиться, стать новым человеком, человеком истинным, а не «подобием» его. Существует такое явление как спиритуализация, своего рода настраивание при помощи даосских приёмов медитации на постижение вечной истины Дао, что ведёт к одухотворённости вашей телесности и вашему обновлению. Вы как бы перестраиваете все свои телесные клеточки на новый уровень, вводя себя в свой сакральный космос. Так делают

все верующий в любой религии во время моления. Этот ваш внутренний сакральный космос цементируется на таинственной первооснове, блистающей всем разнообразием красок, форм и образов, на том, что порождает творчество и гениальность, и что так необходимо человеку высокодуховному, чтобы он не оказался в плену, как в высохшей пустыне, своего абстрагирующего всё вокруг разума. Но этот сакральный космос не намерен, ни при каких условиях, терять своё многообразие и исчезать ради реальности высшего порядка.

Когда монах говорил мне о сакральном космосе, я подумал о Лизе и о том, что она, вероятно, тоже имеет свой сакральный космос, в который я не способен проникнуть. Мне тут же вспомнился один наш разговор, произошедший из-за наших недомолвок.

Как-то она мне сказала:

– Я учусь у тебя многому, но есть вещи, о которых я имею своё собственное представление. Ты погружён в науку и философию, я считаю это чисто мужским полем деятельности. У нас, у женщин, есть своя сфера реализации, мы все живём в искусстве. Ты, наверное, можешь мне возразить, но я думаю, само искусство было создано женщинами, а не мужчинами. И вы, мужчины, всегда относились к искусству не серьёзно, а это и есть наша жизнь – жизнь женщин. Ваша мужская душа постоянно мечется между духом и материей, дух вас постоянно тянет вверх в небеса к вечности, а мы, женщины, живём материей, поэтому предпочитаем оставаться внизу на земле и обживать её. Мы привязаны к земле, и хотим, чтобы на ней были все удобства. В какой-то степени на все обустройства, происходящие на земле, влияет женщина, она так и ли иначе заставляет мужчину обустраивать вокруг себя окружающую среду. Из-за этого часто между мужчиной и женщиной возникают конфликты. Женщина, как кошка, не любит неприятных мест и избегает их. Одно и то же место, если оно ей не нравится, может быстро надоесть ей, поэтому она его постоянно улучшает, и, если ей это не удаётся, она просто его покидает. Вы придаёте смысл своей жизни за счёт своей духовной работы, и постоянно устремляетесь от чувственного к духовному, а в нас же происходит обратный процесс, всё духовное у нас становится чувственным. Только через чувства можно ощутить вкус жизни, а не через одухотворённость. Я люблю искусство, потому что оно находится в сфере чувствительности. Это самый лучший путь постижения жизни. Мы, женщины, способные рожать и стоим к тайнам бытия ближе мужчин, так как понимаем толк в жизни значительно больше большинства мыслителей. Поэтому мы никогда не мыслим отвлечёнными категориями, хотя и можем добиться выдающихся успехов в математике. Это нам просто не нужно, также, как и ваша философия. В нас заложена сама жизненная мудрость, и, в основном и чаще всего, мы поступаем в жизни более правильно, чем это делают мужчины. В нас всегда сильна интуиция, и мы намного быстрее решаем все жизненные задачи, чем вы, мужчины.

– Но наше мышление – это постоянное обобщение и уход в область абстракции, – возразил я ей, – чувственный опыт – это одно, а осмысление действительности – это совсем другое. Искусство само по себе, конечно, замечательно, но это всего лишь слепок нашей действительности, своего рода грёзы и догадки о том, что происходит на самом деле. Говорят, искусство вечно, а жизнь коротка, но искусство – это всего лишь иллюзия, которая ничего не даёт человеку, а только уводит его в страну грёз и напрасных переживаний.

– Ваш духовный мир тоже можно назвать страной грёз, – возразила мне Лиза, – то, что вы выстраиваете у себя в уме, вряд ли соответствует действительности. Но наш мир лежит ближе к нашему сердцу, и весь смысл нашей жизни содержится в преходящем, и, как ты выражаешься, в бренном, а не в неменяющемся и вечном. Что такое вечность? Это – ничто. А всё, что ничем не является, ничто и не значит. Конечно, из ничего можно получить что-то, но это что-то и делается при помощи искусства. Творчество мужчин и женщин разное. Но должна заметить, что женщины всё, за что берутся, делают более умело, чем мужчины. Просто мужчины женщин многому не учат, наверное, боятся их конкуренции. Мы можем рожать детей, мужчины этого делать не могут. В вас даже сам образ Бога ассоциируется с порождающей всё машиной,

к которой вы стремитесь приблизиться. Мы же просто рожаем и делаем всё, что можем, не задумываясь об этом. В себе, как в творце, вы видите символ вечности, а мы, женщины, просто даём жизнь, продлеваем и сохраняем её в мире без определённых символов. Творение заложено в нас помимо нашего сознания. Вы создаёте науки от отчаяния, что не можете ничего произвести на свет, мы же рожаем детей, из которых и состоит всё человечество, и радуемся этому, или печалимся, когда вы начинаете наших детей уничтожать в войнах. Вы ищете уравновешенность и умиротворённость. А у нас это обычное состояние души. У вас вообще никакой умиротворённости не существует, потому что вы живёте в постоянном поиске её. Мы же, однажды обретя её, никогда больше её не теряем. Вы постоянно завоёвываете мир в неустанной борьбе, и делаете это изо дня в день. Мы же, обретя его однажды, стараемся сохранить. В нас есть всё, и даже то, чего нет в вас. Вы трудитесь в постоянном поиске каких-то ценностей, мы же эти ценности храним внутри себя и иногда смеёмся над вами и вашими тщетными попытками обрести то, что вам не под силу. Но каждая из нас имеет в душе что-то своё, и мы это знаем и ценим его друг у друга, в то время как вы стараетесь вытащить это друг у друга и осмеять, доказывая свою правоту и ценность именно того, что вы имеете, и что скрыто в вас. На это смешно смотреть со стороны, потому что в том, что скрывается в душе, не может быть ничего общего, поэтому это и нельзя привести к общему знаменателю. И каждый должен жить сам по себе со своим внутренним миром, не выпячивать его и не стараться навязать его другим. Только тогда станут все люди умиротворёнными и уравновешенными, когда это поймут. Никто из людей никогда не сможет понять другого до конца, поэтому всегда должно быть примирение между людьми, а не споры и ссоры.

Вот с такой философией мне досталась жена, и спорить с ней было бесполезно или убеждать её в чём-то. Она обладала своим совершенным сакральным космосом, в который проникнуть я, как не пытался, не смог.

Монах Вэй тем временем говорил:

– То, что вы прибыли сюда – это вообще большое чудо. Вы поступили также, как когда-то мой учитель. В споре с одним из своих оппонентов в возможности перемещения в пространстве он преодолел огромное расстояние и принёс с собой из путешествия цветок, в то время как другой этого сделать не смог. Мы, даосы, это объясняем следующим образом. В человеке есть определённые силы, которые действуют в разном направлении. Одни его поднимают вверх, другие опускают вниз. Всё, что связано с духовностью и духом, приводит его к сублимации и тонким материям, а всё, что связано с чувствами, ведёт его к наслаждению жизнью и переживаниям. Существуют люди разного духовного склада, и среди них есть мудрецы, которые совершенствуют свою природную сущность и жизненность. Ведь все мы состоим из очень подвижной материи, при помощи одних сил мы способны её превратить в плотное тело, а при помощи других можем её довести до эфирного состояния, так называемой, пневмы. Как вижу, вы научились рассеивать свою материю и превращаться в чистый истинный дух, который и перенёс вас в эту страну. И здесь вы материализовались в тело. Можно сказать, что вы обрели дух ян. Что же вы унесёте из этой страны с собой?

– Я унесу с собой саму эту страну, – неожиданно для себя я высказал своё решение, – моя жена тоже обладает духом ян, но вряд ли сможет попасть сюда так же, как это сделал я. Я очень люблю свою жену и боюсь её потерять. Поэтому у меня остаётся единственный выход и способ сохранить её – это перенести эту страну в свою действительность, что я и сделаю.

Услышав это, монах рассмеялся и сказал:

– Если вы это сделаете, то устраните первое препятствие в своём движении к бессмертию. Вы создадите лекарство от скуки. Но для того, чтобы получше узнать эту страну, давайте совершим по ней прогулку.

С этими словами мы покинули верхнюю террасу с местом для медитации, что располагалось напротив пальмы, и переместились на уступ скалы чуть ниже. Но когда мы шли вдоль

верхней террасы, то я заметил, что с одной стороны её сразу же после бамбукового насаждения росли кусты и диковинные растения, а с другой высилась отвесная стена скалы с множеством входов в пещеры, похожих на гнёзда стрижей, только большим размером, где мог поместиться человек. Это и были кельи бессмертных, которые прилетали со всех частей нашей планеты.

– Что это за кусты и растения? – поинтересовался я у монаха.

– Вы хотите знать их имена? – спросил он.

Я кивнул головой.

– Если я вам их назову, – ответил он, – то что это вам даст. В нашем мире очень много разных вещей, которым мы придумываем имена, а потом настолько к ним привыкаем, что уже не видим их сути. Я думаю, что лучше всего обходиться вообще без имён.

– Но тогда в нашем понимании наступит хаос, и мы перестанем различать одно от другого, – возразил я.

– Этого не произойдёт, – твёрдо сказал он, – потому что разнообразие останется разнообразием, и наши представления о вещах будут более точны, и вещи перестанут прятаться за именами.

– Но как тогда мы будем формулировать наши мысли, если не будем прибегать к именам? – удивился я.

– Очень просто, – ответил он, – вы научитесь ухватывать саму суть вещи без досужих рассуждений. Понятия перестанут быть абстракциями, которые лишают вещи их сути. Вот сейчас прибегая к вашему языку я даже не могу выразить суть той мысли, которую хочу сказать вам, потому что человеческий язык не совершенен, и очень многое из того, что человек желал бы высказать, остаётся за границей высказываемого. Несвершенство языка порождает многие заблуждения. Философы часто говорят о том, чего не знают, и их мысль не способна проникать за границы внешнего, потому что о вещах они мыслят абстрагировано. Ближе к истине стоят все те, кто мыслит образно. К ним принадлежат поэты, писатели и мистики, но, ни в коем случае, ни философы.

– Выходит так, что всю свою жизнь я, изучая философию, занимался пустым делом, – заметил я.

– Выходит так, – улыбнувшись, заметил монах, – восточные мыслители стоят к истине намного ближе западных, потому что их мысли как бы выражаются иероглифически, то есть, несут в себе определённый рисунок. Вот, например, камелия – «цунь» – изображена иероглифом, где одним ключом является «дерево», за которым стоит весна. Камелия цветёт даже зимой среди снега красными цветами и напоминает нам всегда о весне, или вечнозелёный кустарник «цзя», который японцы называют «эноки», где в иероглифе рядом с «деревом» стоит «лето». Но даже иероглифы не самый совершенный вид мысли. Даосы, например, мыслят без слов и без названий, они не то, чтобы проникают в суть вещей, они в своём осмыслении напрямую оперируют сутью вещей. Но даже их мысли отличаются по степени их совершенствования. Вы видите входы в их кельи, куда они прилетают, чтобы уединиться для медитации. Так вот, в низших уровнях живут бессмертные, которых мы называем «гуй сянь», или иными словами, бессмертными демонами, вы легко можете стать одним из них, так как они пользуются обычным человеческим языком и оперируют теми же понятиями, что и вы. На втором уровне живут бессмертные люди – «жэнь сянь». Они путём физических тренировок и медитаций уже достигают определённой степени бессмертия и начинают понимать небесный язык, но они ещё очень привязаны к земной жизни, и пока не желают рвать с ней связи. Выше их находятся бессмертные «шэнь сянь», овладевшие искусством продления в вечности и являющиеся среди людей учителями тех, кто стремится к бессмертию. Ещё выше селятся земные бессмертные «ди сянь», узнавшие все тайны земной природы и владеющие в совершенстве небесным языком, иными словами языком безмолвия. Они предпочитают жить на земле в отличие от тех стоящих выше их небесных бессмертных, которые изредка посещают землю. Та пагода, стоящая

на вершине горы, является их стартовой площадкой, в вашем понятии космодромом, откуда они, превращаясь в журавлей, отправляются в свои космические путешествия, посещая другие миры. Естественно, все они говорят на разных языках, переходя от человеческой речи к птичьему языку, так называемому журавлиному клёкоту, а затем – к языку безмолвия, к мыслям в их чистом виде.

– Значит, – заметил я, – для того, чтобы мне их понять, нужно отказаться от человеческой речи? – удивлённо спросил я.

– Это не совсем так, – поправил меня монах, – но прежде всего нужно отказаться от абстракций и перейти к образному мышлению. Но это всего лишь первый шаг. Кстати, все обычные женщины владеют этим искусством в отличие от мужчин. Они не используют слова, за которыми нет никаких представлений, поэтому им и не нужна философия, потому что они видят мир в его естестве, к чему стремятся и начинающие даосы. Но в мире тонких сущностей и энергий очень трудно подобрать адекватные слова тем реалиям, которые существуют в природе. Так, например, даосы нижнего уровня употребляют термин «внутренняя алхимия», что абсолютно не соответствует тому процессу, который происходит в организме человека, когда он начинает производить в себе свои внутренние изменения при помощи мысли. Естественно, что в нём происходит определённый процесс, но назвать это алхимией у меня не поворачивается язык, потому что сразу же приходит на ум западная модель механической алхимии. Весь этот процесс сугубо внутренний, происходящий на уровне той энергетики, которой обладает человек, как живое высокоразвитое существо. К тому, что происходит в человеке во время медитации, трудно подобрать слова, и уж совсем они не соответствуют тем названиям, облекая их в понятия и представления, которые придумали бессмертные демоны, такие как «золото и киноварь», «чувства», «природная сущность», «дракон и тигр», «знаки у-цзи» и «сваха». Когда познаёшь высшую форму бессмертия и проникаешь в высшую тайну, то трудно некоторые явления выразить словами и понятиями. Их просто нет в человеческом понимании. Но всё же понять, что это такое, необходимо, без чего невозможно иметь представление о качестве и важных компонентах эликсира бессмертия. Само понимание «эликсира бессмертия» тоже не очень разъясняет суть сказанного непосвящённым. Практически эликсир и киноварь являются одним и тем же, и вместе с золотом становятся конечным продуктом процесса получения бессмертия. Но под словом «золото» понимается некая энергия, наподобие золотого раствора, который взаимодействует с перегнанной киноварью. Но это золото, является не тем золотом, которое представляют люди. Это понятие употреблено для объяснения своей исключительной стоимости некой энергии, сходной по качествам и свойствам с желтым металлом, неподверженным коррозии. Эта энергетическая субстанции, получаемая внутри человека путём медитации, создаёт определённую энергию внутреннего свечения, являясь знаком и символом первостихии китайской натурфилософии. Обладая желтым светом и мягкостью, она как бы находится в родстве со стихией земли, в которой обе энергии инь и ян пребывают в гармонии. Киноварь же олицетворяет собой свечение красного цвета, что роднит её с совершенно развитым ян, как началом жизни и роста, эта энергетическая субстанция соединяет в себе одновременно мужское начало, сравнимое с белой спермой, и женское, как бы имеющее цвет менструальной крови, из чего получается зародыш новой бессмертной жизни. Соединение этих двух эликсиров – «золотого раствора и перегнанной киновари» – и рождает бессмертие. Простому человеку понять это трудно. Этот процесс не объяснишь на словах. Всё в мире соединяется, переходя в некий ступок, который затем опять рассеивается. Так происходит и с материей и энергией, впрочем, материя и энергия – это, в вашем понимании, одно и то же. Но в тех вещах, о которых я вам говорю, скрыта некая таинственность, которую вам будет сложно понять, опираясь на физику и химию, так как этот процесс происходит на очень тонком уровне, где мысль может превращаться в нечто существенное и менять окружение, как внутри себя, так и во вне. Есть две сущности, которые мы называем «эр у» – «две пустоты». Это – Великое и Малое, которые

взаимо-проникновенны и порождают в мире всё: пространство, материю и время, иными словами, порождают сам этот мир, и тесно связаны между собой. В Великом – Небо и Земля, ян и инь, а в Малом – их подобие, находящееся в теле человека. Это – чувства человека и его природная сущность. Их можно сравнить со свинцом и жидким серебром – ртутью. На Земле, как и на Небе, эти сущности разделены и выступают в виде энергий ян и инь. Женщины, например, имеют в избытке одну энергию – ян, а мужчины – другую – инь, что соотносимо с природной сущностью и чувствами, или с природной сущностью и жизненностью. Для достижения бессмертия человеку необходимо соединить и уравновесить эти две энергии и вывести из этого соединения внутреннее снадобье – зародыш будущего бессмертного тела.

Когда я это услышал, то подумал, что для начала мне нужно было бы родить ребёнка. Это проще сделать, а потом уже внутри себя родить бессмертного. Но для того, чтобы родить ребёнка мне нужно снова завоевать Лизу. Всю жизнь мужчина стремится покорить женщину, влюбить её в себя. Но сохранить любовь иногда бывает трудно после того, как уже совместно прожито семь лет. Нет уже того обострённого чувства новизны, которое бросает влюблённых друг другу в объятия. Что-то я упустил в своих отношениях с Лизой, может быть, был не всегда к ней внимателен. Да и в разговорах я больше обращал внимание на свои слова, а не на то, что говорила она мне. Поэтому, наверное, между нами начиналось какое-то непонимание друг друга, каждый из нас начинал жить в своём ритме, и терял ментальное соприкосновение друг с другом. Я мыслил общими категориями, а она – конкретными. Моё мышление как бы теряло связь с жизнью, переходя на некий абстрактный уровень. Я создавал свои понятия, облекая их в своеобразные формы, и уходил от общепринятых представлений, в которых продолжала жить Лиза. Мне обязательно нужно было вернуться к ней, связать себя с её образами и отойти от своих понятий, которые стали ей уже неинтересными. Из неё, конечно, получился неплохой мыслитель, но то, что она мне тогда сказала, поразило меня. Мне снова было необходимо окунуться в царство её образов, чтобы понять, почему она отвергла меня и предпочла другого. Монах мне показывает мой дальнейший путь, но как я могу пойти дальше, если отрезок последнего пути я прошёл как во сне, ничего не видя вокруг себя, ничего не ощущая и не понимая. Только с ней я могу уравновесить свою энергию инь и её энергию ян.

Чтобы разобраться во всём этом, мне было бы неплохо стать мистиком, и на какое-то время перестать быть мыслителем, опять вернуться к представлениям, попробовать написать какую-нибудь картину, сочинить мелодию, или заняться стихосложением, благо, что первый мой шаг уже сделан у серебряного озера. Я совсем забыл, что человек должен обладать ни только умом, но и ещё каким-то талантом, исходящим от сердца. Если я уже не могу завоевать мою возлюбленную умом, то стоит развить в себе какой-то талант, чтобы вновь очаровать её. Ведь женщины часто любят мужчин ни только за их ум, но в большей степени за их талант. Мне нужно стать для неё богом, восхитить её чем-то, расположить к себе её любовь. Пора кончать жить в строгих границах логики, настало время освободить свой разум от этого оружия. Ведь логика – инструмент несовершенный, и талант чаще всего отбрасывает его в сторону как препятствие, стоящее на его пути, как путы, мешающие движению. Разве можно при помощи логики познать тайну, скрывающуюся в хаосе, и уж тем более разобраться в некой сфере, лежащей за гранью нашего понимания, там, где воздействует тонкая материя, где ангелы и демоны пробуют свои силы в противоборстве. Из мыслителя мне нужно стать творцом и художником, осуществить себя, разбудив в себе природные дарования, оставить о себе след и оправдать своё высокой предназначение на земле. Только так я могу достичь совершенного бытия и обрести бессмертие. Конечно же, я – не Бог, но главное, что у меня есть в данный момент, – это моё становление, через которое я могу использовать все мои возможности. Бог, конечно, не допускает причастности к себе, так как является высшим совершенством и вечно наличествует в действительности, но я всё же могу попробовать вступить с ним в противоборство и, наконец, сорвать яблоко с Древа жизни и обрести бессмертие, также, как и он, и в этом мне может

помочь Лиза. Когда-то уже её прапраматерь Ева сорвала плод с Древа Познания и поделилась им с моим праотцом Адамом. И в этом мне помогут восточные знания, которыми делится со мной монах Вэй. Поэтому, благодаря ему и Лизе, как моей вдохновительнице, я попробую из спокойного состояния созерцания перейти к активному действию, от простого сущего и наличия в этом мире перебраться в сферу подлинного бытия, осуществиться в своём становлении и обрести более совершенную ипостась, приближенную к Богу. Так что же говорит мне монах Вэй?

– Мы полагаем, что в мире существует пять стихий, – произнёс он, когда мы спустились на вторую террасу, – это местоположение как раз отвечает этим стихиям. Если на верхней террасе, обращённой к восточной стороне, растёт самое большое наше дерево, олицетворяющее собой стихию дерева и рождающееся ян, а также восток, весну, сине-зелёный цвет и дракона, то на этой террасе, больше выходящей на юг, находится наш открытый очаг для разведения огня, и наглядно демонстрирующий стихию огня, где мы совершаем свои обряды. Эта сторона света означает огонь, развитое ян, юг, лето, красный цвет и феникса – красную птицу.

На этой террасе, начиная от крутой скальной стены, росли ещё пять пальм, и несколько криптомерия с олеандровыми кустами, а дальше очага у крутого скального обрыва виднелись ещё какие-то экзотические деревья и кустарники, за которыми начинался спуск на третью самую большую террасу, на которой располагалось небольшое рисовое поле, окаймлённое небольшими фруктовыми рощами из яблонь, вишнёвых, сливовых и абрикосовых деревьев. На западе эта терраса переходила в ступенчатый подъём, по которому водопадами стекала горная речушка, от таяния снегов на вершине высокого ледяного пика. Весь этот склон зарос дикой растительностью, похожий на джунгли. На севере, выше обрывистой скальной стены был виден крутой подъем к вершинам диких гор, покрытых снегами.

– Как видите, – сказал монах Вэй, – на западе продолжают горы. Но в этих горах можно найти золото, самое настоящее. Запад олицетворяется у нас со стихией металла, рождающегося инь, западом, белым цветом и тигром. На севере сильна стихия воды. Это – развитое инь, зима, чёрный цвет, черепаха-змея. А в центре, где мы стоим преобладает стихия земли. Здесь всё сочетается и всё цветёт. К земле, как видите, причастны все другие стихии. Это – рай, где соединяется мужское и женское начало, где дракон противостоит тигру, дерево – металлу, ртуть – свинцу, где всё сталкивается, взаимопроникает друг в друга и уравнивается. Как вам нравится эта земля?

– Это – чудесное место! – с восхищением воскликнул я, – бы хотел здесь остаться и жить.

– Но вы можете в любое время сюда вернуться, – улыбнувшись сказал монах. – Стоит вам только сочинить стишок, и вы тут же перенесётесь сюда.

И вдруг я неожиданно для себя продекламировал только что возникшие в моей голове четверостишия:

Учат бессмертию все здесь, и так создается картина,
Счастье с рожденья где обретают божие твари,
Там в упоенье сливаются муж и жена воедино,
Там предел крайний и сток золота и киноvari.
Все, попадая сюда, обретают счастливые лица,
Тигр и дракон синий любят друг друга, объятья сплетая,
Ввысь на упряжке из фениксов мчит в небеса колесница,
В ней мы вступаем в гармонию с Истиной, всё понимая.

Как только я произнёс последнюю строку, солнце померкло и наступила тьма. Я огляделся вокруг и увидел рядом с собой только округлые очертания холмов и плавную линию горизонта на фоне чуть брезжащего рассвета. Я пригляделся к конфигурации плавных линий и узнал в них бёдра, талию и грудь моей спящей красавицы Лизы. Я лежал в кровати рядом с

ней, и моя рука обнимала её талию. Я был рядом со своей супругой, которую любил, и никак не мог вспомнить, как я перебрался из-за письменного стола в нашу постель. Единственное, что я помнил, это то, что она мне изменила накануне. Вероятно, она так устал днём, что даже не проснулась. Я представил, как ещё совсем недавно какой-то мужик лежал рядом с ней и обнимал её. От этого представления меня бросило в дрожь. Если бы я не любил её, я бы тут же её задушил. Но вместо гнева на меня вдруг накатила волна отчаяния и возбуждения. Я нежно провёл рукой по её бёдрам и талии и остановился на груди. По лёгкому движению я понял, что она проснулась. Я поцеловал её в щёку, в губы, и обнял её. Моё насыщение было страстным и бурным. Вначале она лежала безучастной, но потом я почувствовал, что и она возбуждена. Когда мы закончили, и я, обняв её, вытянулся во всю длину кровати, произнёс:

– Извини меня.

– За что? – удивилась она.

– За всё, – сказал я шёпотом, – за всю нашу прошлую жизнь, за то, что я был невнимателен к тебе и не пытался тебя понять. За то, что я вольно или невольно тебя обижал. Одним словом, я очень раскаиваюсь, и хотел бы сделать тебя счастливой. Я сегодня много думал о нашей размолвке и решил, что с сегодняшнего дня всё будет по-другому. Мы с тобой родим ребёнка.

– Но ты же не можешь, – сказала она.

– Я ещё не настраивался на его рождения, но сейчас я понял, что ребёнок нам просто необходим. И ты его родишь от меня. Я думаю, что скоро ты забеременеешь, я сконцентрируюсь на рождении ребёнка. Не знаю, будет ли это сын или дочь, но я буду очень любить его, также, как люблю тебя. Прости меня за то, что все эти семь лет я жил как в тумане, или как во сне, ничего не замечая вокруг себя. У нас заканчиваются занятия, у меня – в университете, в тебя – в школе, скоро каникулы, давай проведём их вместе, но никуда не поедём. У нас есть немного денег. На двухкомнатную квартиру с продажей нашей, конечно, их не хватит. Но мы можем купить дачу, где будем проводить все летние каникулы на свежем воздухе. Купим дачу где-нибудь возле речки, займёмся огородом. Ты сможешь на свежем воздухе заниматься йогой, научишь меня. Я больше никогда не буду говорить с тобой о философии. Давай её забудем, а займёмся рисованием, стихосложением, будем петь песни и танцевать. А физическая работа укрепит наше здоровье, и мы родим с тобой очень здорового младенца. Я буду покупать свежее молоко в деревне, мы будем питаться только с нашего огорода абсолютно экологически чистыми продуктами, спать вволю, гулять и любить друг друга. Ты согласна?

– А как же наша будущая квартира?

– С нашей дачей у нас будет большая экономия. Представь, что в отпуск мы не будем никуда ездить, сэкономим на поездках. К тому же, сейчас ездить куда-то не безопасно, случаются разные катастрофы, теракты и стихийные бедствия. Оставаясь дома, целее будем. А осенью соберём урожай и зимой будем со своими продуктами. А когда роится ребёнок, обещаю тебе двухкомнатную или трёхкомнатную квартиру. Об том я позабочусь.

– Ты это серьёзно?

– Серьёзнее некуда. Так ты согласна.

– Да, – тихо сказала она и прижалась щекой к моему плечу.

Так я помирился со своей женой, ни словом, не упомянув о том, что видел её с незнакомцем, и приступил к поискам дачи.

2. День земли

Близилось время каникул и нашего отпуска. Я подумал, что, принимая экзамены у студентов, я могу просмотреть все газеты с объявлениями о продаже дач, а после экзаменов приступить к осмотру этих участков, чтобы выбрать подходящее место для нашего с Лизой летнего отдыха.

Мне казалось, что в эту ночь я сделал очень важное открытие в своей жизни и обрёл новое дыхание. Жизнь моя обрела смысл. У меня появилось новое зрение, как бы разделённое на два взгляда. Один взгляд был направлен во внешнее, а другой – во внутренне. Я отчётливо увидел три разных уровня или три разных сферы проникновения, в которых я уже находился и жил одновременно. Я только что открыл в себе Страну бессмертных, где познакомился с монахом Вэйем. Да, именно так, он жил во мне и открывал мне новый мир, составляя одну из ступеней движения вверх. Я по-новому взглянул на свою возлюбленную супругу Лизу, и решил завоевать её, но для этого мне нужно было проникнуть в её мир и покорить его. И наконец, я понял, что сам являюсь подвижной субстанцией, зависящей от мира, но и способной освободиться от него, отправляясь в странствия и обретая внутреннюю свободу. Я могу удаляться от действительности и возвращаться к ней, но уже обогащённый новым опытом, полученным от обращения к своему внутреннему миру. Наступала в моей жизни пора взросления и собирания камней.

Обычно Лиза по утрам перед завтраком делала свои гимнастические упражнения из йоги. Она это проделывала на балконе, садилась в позу лотоса и какое-то время сидела с закрытыми глазами, затем она начинала свои упражнения на гибкость. Хотя я и считал эти упражнения бесполезной тратой времени, но всё же иногда я с восхищением любовался её грацией и красотой, наблюдая за ней. Сам же я старался использовать утренние часы интеллектуальной загрузкой мозга, погружаясь в свои философские трактаты, но в этот день я решил принять участие в её утренней зарядке. Я сел напротив неё и закрыл глаза, попросив её прокомментировать всё, что с ней происходит. Она удивилась моему поступку, но обрадовалась.

Так я решил проникнуть в её внутренний мир. Я понял, что эта гимнастика является для неё своего рода таким же стремлением убежать на какое-то время от действительности, как и у меня, когда «с помощью духа останавливаешь чарующий поток бессмысленной жизни и придаёшь ему смысл», как говорил где-то мой любимый писатель. Это было своего рода её путешествие в свой внутренний мир, её чувственное устремление к осмыслению своей раздвоенности и разлада, которые, вероятно, она переживала из-за своего предательства. Я предполагал, что и в её женской душе жило чувство справедливости, и она обладала рассудком и трезвым расчётом, которые корректировали её жизнь и её поведение. Да, конечно, в нашей жизни всегда есть соблазны к упоению чувственными наслаждениями, но рассудок всегда определяет границы нашим страстям и иногда преграждает путь нашим желаниям, ведь любовь не может обойтись без вечной непримиримой вражды полов, где эгоизм сменяется самопожертвованием, и наоборот, самопожертвование – эгоизмом.

Когда мы сидели так друг против друга, я спросил её:

– Что происходит? Что ты чувствуешь?

– Я слежу за своим дыханием, – сказала она с закрытыми глазами.

– И только? – спросил я.

– Нет, – ответила она, – я уношусь в свою страну грёз, где солнце встаёт над горизонтом. Солнце вступает в извечную борьбу с тьмой, оно согревает меня и наполняет своей энергией. Я оживаю.

Я вижу, как туман поднимается в долине по склонам холмов, скрывая их на какое-то время своей пеленой. Природа будто просыпается от ночного сна, стягивая с себя своё одеяло. Туман на некоторое время накрывает и меня, но я вижу сквозь него диск солнца. Вот он выходит из тумана и ярко слепит глаза, его лик поднимается над горой и моей головой, и туман стыдливо исчезает. Лучи солнца наполняют энергией моё тело и разум. Я вижу предельно ясно весь мир и себя саму, я знаю, что мне делать, и как мне жить дальше...

После этих слов Лиза затихла, сидя в позе лотоса.

«Боже мой, подумал я, она так же как я, вероятно, уносится в ту же самую страну, где побывал я. Но у неё есть своё вхождение в эту страну, отличающееся от моего. Удивительно, как она это делает? У неё совсем другой метод и другой опыт. Как это интересно! Что бы подумал монах Вэй, узнав об этом. Но мир женщины не может быть таким же, как мир мужчины. Неплохо было бы опять погрузиться в страну бессмертных и проконсультироваться с ним. Главными компонентами вхождения в мир Лизы, как я понимаю, являются: дыхание, туман и диск солнца. Что бы он сказал обо всём этом? В страну бессмертных я попал через чтение комментариев к «Главе о прозрении истины», выйдя на прямой контакт с монахом Вэйем. Туда, вероятно, можно ещё войти через сложение стихов, как он мне говорил, это особая методика ментальной психотехнической практики. Проникновение в страну бессмертных через истинное сосредоточение на тайне закона. Вначале нужно окутать себя туманом. Это легко сделать с закрытыми глазами. Туман, кажется, лежал и в стране бессмертных в расселинах, заполнявший долины. Туман рождается от соединения воды и огня. Сквозь туман виден диск солнца. Это важно понять, также, как и важно относиться к своему дыханию. Нужно сосредоточиться на этом и, может быть, так я опять попаду в страну бессмертных. И тут опять я словно провалился в пустоту. Я опять оказался возле серебряного озера, но на этот раз всю окрестность обволакивал туман. Неожиданно для себя я произнёс только что родившиеся в голове стихи:

Учат бессмертию здесь – так создаётся рая картина,
К счастью стремятся с рожденья до смерти все божие твари,
Вместе в восторге сливаются муж и жена воедино,
Здесь только крайний предел, здесь – сток золота и киновари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.